

9. Субботина Н.Д. Введение в социальную философию и философию истории: учеб. пособие. – 2-е изд. – Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2008. – 273 с.
10. Субботина Н.Д. Социальное в естественном. Естественное в социальном. – М.: Прометей, 2001. – 193 с.
11. Тойнби А.Дж. Постыжение истории. – М.: Прогресс, 1991. – С.85.

Literature

1. Alexandrov G.F. The history of sociological teaching. The Ancient East. – М.: Publishing house of Academy of Sciences of USSR, 1955 – 579 p.
2. Anuchin V.A. Geographical factor in the society evolution. – М.: Misl', 1982 – 334 p.
3. Dobrenkov V.I., Kravchenko A.J. Fundamental sociology. – Vol. 4, Society: statistics and dynamics. М.: INFRA-M., 2004. – 1120 p.

Сведения об авторе

Калмыкова Ольга Александровна – аспирант кафедры философии Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. П.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ), г. Чита, e-mail: Olechka-1984@mail.ru

Data on author

Kalmykova Olga Alexandrovna – PhD of the philosophy chair of Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University (ZabSPU), Chita, e-mail: Olechka-1984@mail.ru

УДК 316.3
ББК 60.546.21

А.А. Большакова

МОЛОДЫЕ ГОРОДА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ НА ФОНЕ ОБЩИХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ

Статья раскрывает особенности формирования и трансформации демографической структуры молодых сибирских городов в советский и постсоветский периоды на примере Иркутской области. Показатели естественного прироста и здоровья населения, миграционные процессы, особенности экологической ситуации в городах и динамика численности населения в них представлены на фоне общих демографических процессов в Иркутской области и Сибирском федеральном округе. Автор указывает на значимость закрепления в Сибири значительной численности постоянного населения, как в социально-экономическом, так и в геополитическом отношении, и призывает обратить внимание на демографическую региональную политику.

Ключевые слова: Сибирь, молодой город, демография.

A.A. Bolshakova

YOUNG CITIES OF IRKUTSK AREA AGAINST THE GENERAL DEMOGRAPHIC PROCESSES IN SIBERIAN REGION

The article opens features of formation and change of demographic structure of the young cities of Eastern Siberia during the Soviet and post Soviet period on an example of the cities of Irkutsk region. The factors of the natural increase and health of the population, processes of migration, particularities of ecological situation in the towns and track record to number of the population in them are represented on the background of the general demographic processes in Irkutsk region and Siberian federal county. The author points to the importance of fastening of the significant number of the constant population in Siberia both in social-economic, and in geopolitical area, and calls to pay attention to demographic regional policy.

Key words: Siberia, young city, demography

Освоение Сибири, новая мощная волна которой пришлась на вторую половину XX в., сопровождалось высокими темпами урбанизации и динамики численности населения в новых городах. Разворачивающееся возведение территориально-промышленных комплексов требовало притока рабочей силы. Анализ ее возрастных характеристик указывал на высокую долю лиц молодого

4. Klyuchevsky V. The Russian History Course. – P.I.M.: 1973. – P. 36 – 37.
5. Confutsiy. The lessons of wisdom: works. – М.: Eksmo: Kharkov: Folio, 2003 – 958 p.
6. Monteskye S.L. About the spirit of laws // Selected works / transl. from fr. – М.: Gospolitizdat, 1955. – P. 387.
7. The nature and society / ed by I.P. Gerasimova – М.: Nauka. - 1968. -- 345 p.
8. Social-darvinism // Concise Philosophic Dictionary / ed. by M. Rosental, P. Yudina. – М., 1955. – 567 p.
9. Subbotina N.D. An introduction in social philosophy and the history of philosophy: textbook. – 2nd ed. – Chita: Izdatelstvo ZabSPU, 2008. – 273 p.
10. Subbotina N.D. Social in natural. Natural is social. – М.: Prometey, 2001. – 193 p.
11. Toinby A.G. Comprehension of History. – М.: Progress, 1991. – P. 85.

возраста. В Сибири, особенно в восточной ее части, удельный вес населения старше трудоспособного возраста был более низким, чем в среднем по РСФСР. Преобладание в составе населения молодых возрастных групп обеспечило региону низкую смертность (табл.1) и вместе с тем высокую рождаемость (табл.2).

Таблица 1

Число умерших на 1000 человек населения

Регион	1960	1965	1970	1980	1985
РСФСР	7,4	7,7	8,7	11,0	11,3
Уральский	7,3	7,2	8,5	10,7	11,0
Западная Сибирь	6,9	6,9	8,1	10,4	10,1
Восточная Сибирь	6,8	6,7	7,7	9,7	9,6
Дальний Восток	6,2	6,2	7,2	8,8	8,3

Таблица 2

Рождаемость на 1000 человек населения

Регион	1960	1965	1970	1980	1985
РСФСР	23,2	15,7	14,6	15,9	16,5
Уральский	25,1	17,3	15,6	16,8	17,8
Западная Сибирь	26,7	16,3	15,2	17,9	18,8
Восточная Сибирь	27,7	18,4	17,5	19,8	20,0
Дальний Восток	25,0	17,9	17,8	18,5	18,3

Особенность формирования состава населения молодых городов заключалась в его непостоянстве, вызванном значительным уровнем миграции и высоким коэффициентом текучести рабочей силы, которые в Восточной Сибири превосходили среднереспубликанские показатели. Но в целом сальдо миграции было положительным и наряду с высоким уровнем рождаемости этот показатель сыграл

большую роль в развитии новых городов [4]. Наблюдающиеся на протяжении длительного времени положительные демографические процессы, выражающиеся в естественном приросте населения, высоком коэффициенте брачности и положительном сальдо миграции, определили и стабильный рост численности молодых городов Иркутской области (табл. 3).

Таблица 3

Динамика численности населения молодых городов Иркутской области

Города	1959	1967	1970	1979	1989	1992	1998	2000	2005	2008
Ангарск	134,4	183	203	238,8	265,8	268,8	267	264	247,9	242,5
Братск	43	122	155	213,7	255,7	259,3	253,6	277,6	256,6	252,0
Железногорск-Илимский	2	17	22,2	29,1	32,3	32,8	33,2	32,3	27,8	26,6
Саянск	-	-	-	8,5	38,2	45,3	46,7	46,5	43,7	43,9
Шелехов	13	27	29,9	40,6	47,7	49,3	53,4	54,3	48,1	49,2
Усть-Илимск	0,5	1,3	21,3	68,6	109,3	113,5	107,2	105,2	99,8	98,0

Все указанные тенденции позволяли советским ученым прогнозировать перспективы демографического развития Сибири и ее молодых городов. Но начиная с 1990-х гг. Россия находится на этапе становления новой политической системы управления и формирования нового экономического пространства. В условиях таких государственных преобразований всегда уместно говорить о серьезных социальных изменениях, в том числе трансформации демографической структуры населения. В условиях одновременного сокращения уровня рождаемости и роста смертности население Сибири начиная с 1993 г. вошло в зону отрицательного естественного прироста. К настоящему времени, несмотря на рост с 2000 г. показателей рождаемости, естественный прирост населения Сибири только на 60-70% обеспечивает уровень простого воспроизводства. Демографическая ситуация в Сибири квалифицируется как кризисная. Ее основные компоненты в 1989-2002 годы: сокращение численности населения Сибирского федерального округа (СФО) на 5%; сокращение средней ожидаемой продолжительности жизни на четыре года; рост смертности населения и расширение сферы негативного влияния социальных заболеваний (туберкулеза, алкоголизма, наркомании, ток-

сикомании, венерических заболеваний, СПИДа); ухудшение репродуктивного здоровья и качественных характеристик воспроизводства населения [14].

Демографический кризис в Сибири - проявление двух составляющих, имеющих различное происхождение и неодинаковую природу. С одной стороны - проявление общероссийских и общемировых перемен, свойственных промышленно развитым странам и регионам с высокой долей городского населения, а также высоким образовательным уровнем населения и высоким показателем занятости женщин в общественном производстве. Острота таких проблем в регионе обусловлена и особенностями формирования населения, сложившимися в прошлом, в частности, тем, что динамика прироста численности населения в значительной степени определялась структурой и характером размещения производительных сил в регионе. С другой - демографический кризис в Сибири связан с недостаточной модернизацией социальных и экономических институтов, с кризисными явлениями в обществе.

Экономика региона, ориентированная ранее на экстенсивное освоение природных ресурсов, на развитие научно-производственного комплекса и

оборонного потенциала страны, столкнулась с острейшими проблемами. В результате за время реформ многие социальные группы имели значительные трудности в обеспечении благосостояния своих семей. Для них реальной стала угроза неудовлетворения первичных потребностей в питании, одежде, жилище, не говоря об удовлетворении вторичных потребностей - доступности детских дошкольных учреждений, учреждений культуры и досуга. Это оказало существенное влияние на смену жизненных стратегий и ценностных ориентаций населения, направленных не на развитие, а на поиск доступных средств существования; переход на новые рабочие места, часто не соответствующие профессиональным и образовательным возможностям личности; на рост социальной отчужденности и люмпенизацию отдельных слоев населения. В подобной ситуации у людей возникает чувство неуверенности и тревоги. И как следствие - широкое распространение алкоголизации и наркотизации населения, рост заболеваемости и смертности, в том числе молодого населения трудоспособного возраста, и прежде всего от несчастных случаев, отравлений, травм, нервных расстройств, убийств и суицидов. Отмечается и трансформация семейно-брачных отношений. Увеличивается доля однодетных и бездетных семей; число неполных семей в результате разводов, овдовения и внебрачных рождений; сокращается не только фактическое, но и желаемое число детей.

Положение с ожидаемой продолжительностью жизни (ОПЖ) в Сибири отражает аналогичную ситуацию в стране, однако негативные тенденции проявляются здесь сильнее. В 1988-1994 гг. в России произошло резкое падение ОПЖ (на 6 лет), и без того невысокой по западным меркам и не соответствующей уровню великой державы. Достигнув минимума в 1994 г., ОПЖ стала расти, что иногда связывают с адаптацией населения к резко изменившимся условиям жизни. Однако в 1999 г. вновь произошел спад, очевидно, связанный с кризисом 1998 г. и продолжающийся по настоящее время. Причем в России исторически сложилось так, что уровень ОПЖ падает в направлении с юго-запада на северо-восток, по линии из давно освоенных регионов с благоприятными климатическими условиями и развитой социальной инфраструктурой в регионы нового освоения с экстремальным климатом. Основная масса сибирских субъектов РФ имеет ОПЖ ниже среднероссийской. Только в Тюменской, Омской и Новосибирской областях ОПЖ превышает среднероссийский уровень [14]. Социально-экономический кризис повлек за собой расширение масштабов и углубление бедности, обнищание государственного здравоохранения, ухудшение санитарно-гигиенической обстановки, рост насильственной преступности и числа самоубийств. Ясно, что кризисные явления в обществе - одна из важнейших

причин снижения ОПЖ, но не единственная. На их фоне действуют отрицательные долговременные тенденции: загрязнение окружающей среды, нездоровое питание, отсутствие физической культуры, вообще пренебрежение к своему здоровью. Кроме того, по мнению О. Чудасовой и С. Соболевой, один из важнейших факторов снижения ОПЖ в России - агрессивное навязывание совершенно чуждых большинству россиян норм и ценностей, идущее со стороны Запада при массовой поддержке СМИ: «Культура - способ адаптации к действительности. Она вырабатывается на протяжении длительного периода, и ее резкое изменение способно привести к дезориентации со всеми вытекающими негативными последствиями».

Значительную долю в общем сокращении населения внесла и миграция. В частности, в Восточной Сибири коэффициент миграции на 10000 населения изменился с - 4 в 1989 г. до 13 в 1993 г. В целом демографическая ситуация в Сибири в настоящее время оценивается как отброшенная назад более чем на 10 лет. За межпереписной период (1989-2002 гг.) население СФО сократилось почти на 5%. Особенно значительное сокращение наблюдалось в Читинской (на 16,5%), Иркутской (на 9%) и Кемеровской (на 8,5%) областях. Вектор сокращения численности населения в субъектах Федерации имел четкую направленность с запада на восток: чем ближе территория к восточным рубежам страны, тем интенсивнее сокращалось население [9].

На фоне указанных демографических тенденций в Сибирском регионе в конце XX - начале XXI в. молодые города оказались в особом положении. Реформы, с одной стороны, положительно повлияли на развитие крупных областных центров и их агломераций, но, с другой - обрекли молодые сибирские города, характеризующиеся в большинстве случаев малой людностью (Саянск), монофункциональностью (Усть-Илимск) и отдаленностью от центра (Железногорск-Илимский), на самовывживание. Анализ динамики людности молодых городов Иркутской области (табл. 3), начиная с 1990-х гг., демонстрирует снижение численности их населения. Этот процесс, с одной стороны, отражает аналогичную ситуацию по области в целом, но с другой - имеет специфические черты, обусловленные рядом индивидуальных причин.

В переходный период Иркутская область утрачивает ранее высокие позиции по уровню экономического развития, прежде всего, в связи со спадом производства. В 1996 г. объем промышленного производства в регионе составил 54% уровня 1990 г. Особая ситуация сложилась в молодых городах области, в которых наряду с общим падением уровня производства и закрытием ряда предприятий довольно остро стоял вопрос приватизации градообразующих предприятий (лесопромышленных комплексов Усть-Илимска и Братска, горно-обогатительного комбината Железногорска-

Илимского, предприятия химической промышленности Саянска, алюминиевого завода Шелехова, нефтехимического предприятия Ангарска). В периоды борьбы за обладание тем или иным предприятием и возникающей в связи с этим неопределенности массово происходили как сокращения работников, так и их добровольные увольнения. Современное производство промышленных товаров в области выше довоенного в 29 раз, однако лишь на 5% превосходит уровень 1980 года и на пятую часть ниже дореформенного. Валовая продукция сельского хозяйства снизилась на 18%, объем жилищного строительства сократился в 4,6 раза. Общим итогом, аккумулировавшим все изменения, является снижение удельного веса Ир-

кутской области в суммарном объеме валового регионального продукта (ВРП) субъектов России за последнее десятилетие с 2,4 до 1,5%. А по объему ВРП на душу населения область опустилась с 11-го на 25-е место. Крайне низкий уровень инвестиционной активности демонстрирует 11-15 позиции снизу рейтинга регионов, т.е. по душевым инвестициям в основной капитал Иркутская область - в восьмом десятке субъектов РФ [5].

Как следствие, все это проявляется в снижении уровня экономической активности населения (табл. 4) и в вынужденной миграции жителей в другие, более благополучные районы в поисках работы.

Таблица 4

Основные социально-экономические показатели Иркутской области

Показатели	1990	1995	2000	2002	2006
Численность постоянного населения (на конец года), тыс. человек	2807,9	2727,4	2623,2	2577,7	2513,8
Естественный прирост, убыль(-) населения:					
всего, тыс. человек	17,3	-11,2	-12,8	-12,2	-7,1
на 1000 населения	6,1	-4,1	-4,8	-4,7	-2,8
Среднегодовая численность занятых в экономике, тыс. человек	1356,7	1210,6	1192,5	1135,0	1171,7
Общая численность безработных на конец года, тыс. человек	...	118,4	156,4	141,5	114,0

В 2000 г. миграционная убыль в целом по области составила -0,2 на 1000 населения, усилившись к 2006 г. (-2,4) [10], и этот показатель с варьированием десятых долей сохраняется в настоящее время (-2,1 в 2008 г.). На этом фоне показатели ряда молодых городов (Братск (-4,2), Железногорск-Илимский (-10,1), Усть-Илимск (-9,8)) еще более неутешительны. Особое беспокойство вызывает неблагоприятная возрастная структура миграции в регионе. Более половины (52,5%) приходится на людей с высшим и средним специальным образованием. Около 14,5% - дети в возрасте до 15 лет. И 74% - это люди трудоспособного возраста. Причем из этих трех четвертей 75,6% - это лица так называемого младшего трудоспособного возраста (до 40 лет). Самое неприятное, что из этих 75% основная масса - это «золотой кадровый резерв»: лица в возрасте от 20 до 29 лет (порядка 1940 чел., или 26% всей убыли). Уезжают преимущественно молодые люди репродуктивного возраста. Соответственно фактические потери куда больше: они обзаводятся семьями на новом месте, а значит цифру миграционной убыли можно смело умножать на два [8].

Социально-экономический кризис резко изменил и картину здоровья населения как России в целом, так и Иркутской области в частности. На первое место в характеристике заболеваемости и смертности выходят различные социопатии. Регион держит сомнительное лидерство по заболевае-

мости ВИЧ/СПИДом - здесь регистрируется около 650 случаев заражения на 100 тыс. человек (больше только в Самарской области). По туберкулезу заболеваемость в области на треть выше средней по РФ, и она имеет тенденцию увеличения. Заболеваемость психическими, наркологическими расстройствами, а также смертность от самоубийств в середине 90-х гг. имели высокие показатели и только в настоящее время начинают снижаться [11]. Интегральный показатель здоровья населения - ожидаемая продолжительность жизни - одна из самых низких в России - 60,8 лет. Разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин в Иркутской области на 1,5 года выше, чем в среднем по России (15 и 13,5 лет соответственно). С 1999 г. по 2005 г. в области удалось почти вдвое сократить показатели младенческой смертности, однако они все еще выше средних по стране (12,2 и 11% соответственно) [5]. Естественный прирост населения области в 1990 г. (17,3 тыс. человек) к 2002 г. сменился убылью (-7,1 тыс.) (табл. 4). В 2008 г. в регионе был отмечен естественный прирост населения (2846 человек), и, в частности, Приангарье по этому показателю заняло третье место в СФО после республик Бурятия и Тыва. В настоящее время естественный прирост периодически фиксируется и в некоторых молодых городах (табл. 5), но даже он не перекрывает высокий уровень миграции.

**Естественный прирост (убыль) в молодых городах Иркутской области
(в расчете на 1000 населения)**

Города	2000	2005	2006	2008
Ангарск	-6,0	-5,8	-4,2	-1,7
Братск	-4,1	-4,4	-3,1	-1,8
Саянск	-2,2	-2,0	-	1,4
Шелехов	-3,3	-3,3	-1,4	1,2
Усть-Илимск	0,9	-0,7	0,1	1,3

При выявлении демографических тенденций в молодых городах Иркутской области мы наблюдаем разные причины миграции населения. В частности, если в Железногорске-Илимском и Усть-Илимске миграционные процессы связаны с закрытием предприятий, сокращением занятых, то в Ангарске, Братске, Шелехове они в большей степени обосновываются экологическими проблемами. Среди субъектов РФ с наибольшими объемами выбросов вредных веществ Иркутская область занимает 7-е место (3,2% общих выбросов), имеет высокий рейтинг экологического риска (77), входит в число 20 регионов России с наибольшим выбросом загрязняющих веществ в атмосферу на одного жителя. Ангарск, Братск, Зима, Иркутск, Усолье-Сибирское и Шелехов включены в список городов России с наибольшим уровнем загрязнения атмосферного воздуха [13]. Миграционная ситуация в разных городах напрямую зависит от их экономического состояния. Максимальный отток населения испытывают практически все северные районы. Напротив, концентрируются мигранты в экономически более благополучных городах и районах на юге области, преимущественно в поле тяготения регионального центра (Шелеховский, Иркутский, Ангарский районы).

Все указанные тенденции обусловили снижение численности населения как в целом по области (табл. 4), так и в молодых городах в частности (табл. 3). Одним из самых удаленных от областного центра молодых городов является город Усть-Илимск. Если в начале 1967 г. в городе проживало лишь 1,3 тысячи человек, то к моменту присвоения статуса города в 1973 г. число жителей возросло в 20 раз (до 37,3 тыс. человек) и в дальнейшем продолжало интенсивно возрастать. Достигнув своего пика в 1992 г. (113,5 тыс. человек), численность населения сократилась до 105,2 тыс. жителей в 2000 г. и до 98 тыс. в 2008 г.. При этом Генеральным планом были предусмотрены резервные территории, на которых город может развиваться и обеспечить жильем 350-400 тысяч человек [12] [7]. Снижаются показатели численности жителей и в Ангарске (2000 г. – 264,7 тыс., 2008 г. – 242,5 тыс.), Братске (2000 г. – 277,6 тыс., 2008 г. – 252 тыс.), Железногорске (2000 г. – 32,3 тыс., 2008 г. – 26,6 тыс.), Саянске (2000 г. – 46,5 тыс., 2008 г. – 43,9 тыс.), Шелехове (2000 г. – 54,3 тыс., 2008 – 49,2 тыс.). [10] [2] [1] [6]

В советский период регионы рассматривались как совокупность географически сопряженных

производственно-технологических площадок, совместно обеспечивающих сбалансированность и самодостаточность экономики, ее динамичный рост. В конце 1990-х - начале 2000-х г. государственная политика регионального развития, основанная на целях и принципах предыдущего этапа развития страны, себя фактически исчерпала, а унаследованная от Советского Союза региональная организация вступила в период масштабной перестройки. Регионы, создававшиеся и развивавшиеся в нерыночной логике, при помещении их в рыночную среду перестали соответствовать масштабу экономических и социальных процессов открытого рынка. По экспертным оценкам, ежегодные потери России от неэффективной промышленной организации оцениваются в 2,25-3,0% ВВП в год [3]. Часть субъектов и городов РФ явно оказалась не в состоянии обеспечивать конкурентоспособность собственного хозяйства не только в глобальном, но даже и страновом масштабе. В первую очередь не нашли себя в новой экономике те поселения, которые исторически возникли в связи с решением старых геополитических задач (центры военно-промышленного комплекса, закрытые административно-территориальные образования, монопрофильные поселения и пр.). В их числе оказались и молодые узкоспециализированные города Иркутской области. В то же время громадные территории Сибири с ее уникальным природным потенциалом, в том числе ресурсы Иркутской области, по-прежнему остаются объективной основой будущего экономического роста страны.

По оценкам ученых, происшедшие в последнее десятилетие XX в. изменения оказали существенное влияние на сокращение демографического потенциала восточных районов России, и они будут иметь долговременные социально-экономические последствия. Как показывают прогнозные расчеты, в будущем это приведет к сохранению отрицательного естественного прироста населения; к высоким темпам старения населения; к сокращению доли детей и увеличению доли населения пенсионного возраста в общей структуре населения экономических районов Сибири. Необходимо подчеркнуть, что само по себе прогнозируемое снижение численности населения России, и в том числе Сибири, - не катастрофа. Катастрофа в том, что прогнозируемой численности и плотности населения в такой огромной стране, как Россия, недостаточно не только для того чтобы осво-

ить собственное геополитическое пространство, но даже чтобы удержать его [14]. В особенности это важно в рамках сложившейся в последние годы иммиграционной ситуации в восточных регионах РФ и с близостью к ней стран - основных поставщиков эмигрантов, в первую очередь Китая. В этих условиях снижение численности россиян, замещение их эмигрантами может привести к возникновению территориальных претензий к России со стороны государств, имеющих с нами общие границы.

Таким образом, заселенность сибирской территории, закрепление на ней значительной численности постоянного населения важно для России не только в социально-экономическом отношении, но и в геополитическом. В связи с этим важно обратить особое внимание на приоритеты региональной демографической политики, грамотное выстраивание которой должно базироваться как на общепринятых мерах (по снижению смертности от внешних причин, преодолению высокого уровня заболеваемости и смертности по так называемым социальным видам заболеваемости, по улучшению репродуктивного здоровья населения, рациональное питание, пропаганда здорового образа жизни и т.п.), так и на создании экономического базиса, включающего рост благосостояния и социального благополучия населения; интенсивное паразитирование всего комплекса социально-бытовых и культурных услуг, оказываемых населению (особенно связанных с развитием сферы здравоохранения и социального обеспечения); улучшение жилищных и других условий населения Сибири.

«Молодость счастлива тем, что у нее есть будущее», - писал И.В. Гоголь. Молодые сибирские города достойны не только героического прошлого, но и достойного будущего. Специалисты фонда «Институт экономики города» утверждают: «Сами российские города, а не их товары являются лучшими брендами страны». Молодые города Иркутской области могут и должны занять достойное место в построении позитивного образа России в мировом сообществе.

Литература

1. Доклад мэра городского округа муниципального образования город Саянск А.В. Трухина о достигнутых показателях органов местного самоуправления за 2008 год и их планируемых значениях до 2011 года.
2. Доклад о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления за 2008 год и их планируемых значениях на 3-летний период муниципального образования г. Ангарск.
3. Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации / Министерство регионального развития Российской Федерации.

Сведения об авторе

Большакова Анна Александровна – аспирантка Бурятского государственного университета, преподаватель МОУ СПО «Усть-Илимский технологический колледж», г. Усть-Илимск, e-mail: annuschka357@yandex.ru

Data on author

Bolshakova Anna Aleksandrovna – post-graduate of the Buryat State University, teacher of Ust'-Ilim technological college, Ust'-Ilimsk, e-mail: annuschka357@yandex.ru

4. Куksанова Н.В. Социально-бытовое развитие городов Сибири в 1960-1970-е гг. – Новосибирск: Изд-во ИГУ, 1994. – 100 с.
5. Овсянникова И. 70-летие Иркутской области: итоги // Прибайкалье. – 2008. – №1. – С.15-18.
6. Отчет Администрации города Шелехова о социально-экономическом развитии города Шелехова за 2008 год.
7. Отчет исполняющего обязанности главы муниципального образования города Усть-Илимск Тулубаева В.К. «О социально-экономической ситуации в городе Усть-Илимске за 2008 год».
8. Проблемы миграции в Иркутской области // Москва – Иркутск. – 2009. – 17 апр. – С.9-11.
9. Сводные данные Всероссийской переписи населения 2002 года. – Т. 7.
10. Социально-экономическое положение муниципальных образований Иркутской области. 2006 // Иркутск: Иркутскстат, 2007. – Ч. 1. – 65 с.
11. Уровень жизни населения Иркутской области: эконом. стат. сб. 2006 год. – Иркутск: Иркутскстат, 2007. – 124 с.
12. Усть-Илимску 30 лет: стат. сб. – Иркутск: Иркутскстат, 2003. – 44 с.
13. Черников А.П. Стратегия развития региона (структурный аспект). – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2000. – 166 с.
14. Чудаева О., Соболева С. Регионы. Сибирь: тенденции и перспективы демографического развития // Политический класс. – 2005. – № 9. – С. 55-65.

Literature

1. The Report of the mayor of town neighborhood municipal union city Sayansk A.V. Truhina about reached factors of organs local home rule for 2008 and their planned importances 2011.
2. Report about reached factors for estimation of efficiency to activity organs of local home rule for 2008 and their planned importances for 3-year term of municipal union city Angarsk.
3. Concept of Strategies of social-economic development of the regions of Russian Federation / Ministry of the regional development to Russian Federation.
4. Kuksanova N.V. Social development of the cities of Siberia in 1960-1970-th. – Novosibirsk, 1994. – 100 p.
5. Ovsyannikova I. 70 years of the Irkutsk region: outcome. // Priбайкалье. – 2008. – №1. – P.15-18.
6. Report of town Administrations of the town Shelchov about social-economic development of the town Shelchov for 2008.
7. About social-economic situation in city Ust'-Ilimsk for 2008: the Report of acting chief of the municipal union town Ust'-Ilimsk V.K. Tulubaeva.
8. The Problems to migration in Irkutsk region // Moscow-Irkutsk. – 2009. – April 17. – P.9-11.
9. The Consolidated All-Russian data of census. – 2002. Vol. 7.
10. Social and economic situation of the municipal unions the Irkutsk region. – 2006. Irkutsk: Irkutskstat, 2007. – part 1. – 65p.
11. The Level of living populations of the Irkutsk region: economy-statistical collection. 2006. – Irkutsk: Irkutskstat, 2007. – 124 p.
12. 30 years of the Ust'-Ilimsk: statistical collection. – Irkutsk: Irkutskstat, 2003. – 44 p.
13. Chernikov A.P. The Strategy of development of the region (the structured aspect). – Novosibirsk, 2000. – 166 p.
14. Chudaeva O., Soboleva S. Regions. Siberia: trends and prospects of the demographic development // Politicheskii klass. – 2005. – №9. – P. 55-65.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЕССИЙ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Статья посвящена деятельности религиозных конфессий с осужденными в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Она рассматривается как фактор минимизирующий девиантное поведение осужденных.

Ключевые слова: религиозные конфессии, осужденные, учреждения уголовно-исполнительная система, девиантное поведение.

М.К. Gaidai

ACTIVITY OF RELIGIOUS CONFESSION THE PRISON ESTABLISHMENTS

This article is devoted to the activity of the religious confessions in the work with the convicts in the institutions of the criminal-executive system. This activity is considered as a factor minimizing deviation in the convicts' behaviour.

Key words: religious confessions, establishments criminaly-executive system, deviation behaviour.

В исправительных учреждениях используются различные формы и методы воспитательного воздействия на осужденных. В последние годы все больше включается в эту деятельность Русская православная церковь.

Несмотря на то, что Россия светское государство вопросам взаимодействия церкви и уголовно-исполнительной системы сегодня отводится важное место. Между Минюстом РФ и Русской православной церковью существует соглашение о сотрудничестве, в соответствии с которым и осуществляется активная совместная работа. Тем самым на практике реализуется одно из положений послания Алексея II: «Пастырь церковный должен вносить в тягостную и напряженную тюремную атмосферу дух примирения и взаимного уважения, дух Христовой любви и правды» [1]. Не один год проводятся Международные рождественские образовательные чтения, на которых работает секция «Духовное просвещение в местах лишения свободы», которую организует Синодальный отдел Московского патриархата Русской православной церкви по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными учреждениями, федеральная служба исполнения наказаний при участии общественных и религиозных организаций.

Вопросы, связанные с духовно-просветительской деятельностью в местах лишения свободы, не так новы, как может показаться на первый взгляд. В дореволюционной России при тюремных замках строились церкви, где священники могли проводить богослужения. Так, в 1873 г. не далеко от Иркутска (в 80 верстах) была учреждена Александровская центральная каторжная тюрьма, в состав которой входили кроме главного двухэтажного корпуса больница, семейные бараки для жен и детей каторжан, школа-приют, а также каменный православный храм [2]. Потом, в связи с коммунистической идеологией советского государства подобная практика прекратилась. Но в конце XX в. в связи с изменением общественной

и политической жизни в стране религиозная деятельность вновь возрождается, в том числе и в местах заключения. Однозначно трудно сказать, что это дань моде или традиционная исконно русская потребность в вере и духовности, пришедшая к нам еще со времен крещения Руси. Практики пенитенциарной службы далеко не однозначно воспринимают это явление. Одни полагают, что это лишь «показуха». Со стороны администрации учреждения это делается для демонстрации своей активности, творчества в работе с заключенными; а также и со стороны самих осужденных, для которых это якобы лишняя возможность продемонстрировать администрации и сотрудникам учреждения свое старание и быстрее выйти на свободу, к примеру, добиться условно-досрочного освобождения. Другие искренне верят в положительные результаты совместной работы сотрудников пенитенциарного учреждения и религиозных организаций по исправлению и воспитанию девианта, преступника. Третьи же, и таких, наверное, большинство, относятся к подобной совместной работе спокойно, считая, что все средства в работе с осужденными хороши, почему бы и деятельность церкви не использовать, были бы положительные результаты. Современный этап взаимодействия уголовно-исполнительной системы России с религиозными организациями связывают с приказом МВД СССР от 10 октября 1989 года № 250, в соответствии с которым были приняты рекомендации по взаимоотношениям в то время еще исправительно-трудовых учреждений с религиозными организациями и служителями культов [3]. Сегодня в пенитенциарных учреждениях строятся храмы и церкви, выделяются помещения для отправления религиозных культов и обрядов, тем самым реализуется конституционное право человека на свободу совести и вероисповедания. Ведь согласно ст. 28 Конституции Российской Федерации, каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать